

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1422–1431, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2: 821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков

Евдокия Эрендженовна Хабунова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Хабунова Е. Э., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье проводится анализ содержания устных повествовательных нарративов, записанных в полевых условиях на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг., и отражения в них прошлых событий, деятельности конкретных лиц и фольклорных персонажей, оставивших заметный след в истории народа, в памяти отдельных людей и социума в целом. *Материалы и методы.* Исследование базируется на аутентичном материале — повествованиях, воспроизведенных носителями калмыцкой устной традиции для выражения своего отношения, своей оценки и объяснения событий прошлого. При определении границ объекта изучения особое внимание уделяется теоретико-методологическим обобщениям В. Б. Шкловского, У. Лабова и Д. Валетски в их работах в области изучения устных нарративов. В *результате* исследования установлено, что устные нарративы, зафиксированные в начале XXI столетия в Калмыкии, представляют собой своеобразную форму фиксации событий, сохранения и передачи информации о жизни конкретных лиц и народа во всем ее многообразии и событийности; показано, что калмыки сохранили память об эпических героях, легендарных личностях прошлых эпох, о событиях более позднего времени и находят разные способы вербального воплощения и передачи своих знаний новому поколению.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция, полевой материал, калмыки, устные нарративы, содержание повествований, события, лица, образы, память

Для цитирования: Хабунова Е. Э. Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1422–1431. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Folklore Expeditions of 2012–2017: Oral Narratives as a Representation of Kalmyk Collective Memory

Evdokia E. Khabunova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khabunova E. E., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes essentials of oral narratives recorded from respondents across Kalmykia in 2012–2017, focusing on how the former tend to articulate and characterize past events, activities of certain individuals and folklore characters who had left noticeable marks on the history of the ethnos, in the memory of individuals and society at large. *Materials and methods.* The study investigates authentic materials — narratives recorded from bearers of the Kalmyk oral tradition expressing their attitudes, assessments, and interpretations of events of the past. When it comes to define the scope of the research object, special attention is paid to theoretical and methodological generalizations developed by V. Shklovsky, W. Labov and J. Waletzky in their works examining oral narratives. *Results.* The study attests to oral narratives recorded at the beginning of the 21st century in Kalmykia cluster together to shape a specific form employed to register events, preserve and transmit data on the life of certain individuals and ethnos in all its diversity. The paper shows that Kalmyks have preserved the memory of epic heroes, legendary personalities of past eras, about events of later times, and they do find different ways to verbally transmit this knowledge of theirs to the new generation.

Keywords: folklore expedition, field material, Kalmyks, oral narratives, content of narratives, events, faces, images, memory

For citation: Khabunova E. E. Folklore Expeditions of 2012–2017: Oral Narratives as a Representation of Kalmyk Collective Memory. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1422–1431. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Введение

Устная передача информации от поколения к поколению предполагает различные способы и формы повествования, которые можно зафиксировать непосредственно в момент его воспроизведения. Экспедиция, проведенная преподавателям, студентами и аспирантами Калмыцкого государственного университета на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг., позволила убедиться в их многообразии [Хуучн үгд 2018: 398]. В экспедиционной коллекции значительное место занимают устные повествовательные нарративы, которые могут быть отнесены к несказочной прозе [Хуучн үгд 2018: 57–216].

Проблема жанровой номинации устных повествований, записанных в последние десятилетия в Калмыкии, заслуживает отдель-

ного изучения, в данной статье они объединены термином «нарратив».

Нарративы, полученные в процессе интервьюирования собеседника, были подробно изучены американскими учеными У. Лабовым и Д. Валетским [Labov, Waletzky 1997: 3–38; Labov 1997].

В данном исследовании нарратив понимается как одна из форм вербализации информации о разных аспектах жизни человека и прошедших событиях в кратком изложении ее сути в той временной последовательности и в тех объемах, в какой она сохранилась в памяти рассказчика. Повествование такого рода, на наш взгляд, не лишено субъективизма: информант, сохраняя наиболее устойчивые сегменты полученной информации, актуализирует то, что на его взгляд, представляется значимым и

отражает проблемные темы. Последовательность и суть произошедшего события в таких рассказах интерпретируется с учетом опыта, знаний и мировоззренческих представлений нарратора.

Устные нарративы в записи экспедиций

Рассказчик в свое повествование часто встраивает несколько тематических историй, включает информацию о различных фактах, имевших место в его или общественной жизни. К примеру, экспедиционный материал изобилует воспоминаниями биографического характера, в которые интегрирована информация о памятных событиях и легендарных личностях, об удивительных явлениях и народных обычаях и т. д. Такой тип встроенного повествования названного «рамочным», «обрамленным» [Шкловский 1929: 55–67], в цитируемом издании [Хуучн үгд 2018: 398] выделен в самостоятельный нарратив.

Известно, что во время записи полевого материала фиксатор не должен прерывать речь информанта. Но после длительного монолога у него всегда уточняются детали эпизодов, отличающихся по тематике от основной проблематики повествования. Как правило, знаток фольклора, народных обычаев, традиций и при этом хороший рассказчик всегда выделяет детали, на которые стоит обратить особое внимание, и интерпретирует их по-своему. Если дается развернутый ответ, и в нем явно прослеживается последовательность описываемых событий, просматривается некая сюжетная линия, то такой тип изложения факта вполне может претендовать на самостоятельную историю.

Любому фольклорному жанру, как подмечено Б. Н. Путиловым, «свойственны довольно определенные (хотя и не без труда улавливаемые) границы в содержании, „отборе“ явлений действительности, в тематическом объеме, равно как и определенный „жанровый“ угол зрения и определенная система художественного описания» [Путилов 1976: 225].

Нарративы об исторических личностях

К сообщениям, рассказанным с учетом жанровых черт исторических преданий,

можно отнести нарративы, в которых отражается коллективная память о событиях и личностях, сыгравших ключевую роль в судьбе калмыков, и их предков-ойратов: «Алта тээж хаана көвүн» («Сын Алта-хана»), «Галдан Норбо» («Галдан Норбо»), «Авл хан, Цецн хан» («Аблай-хан, Цецен-хан»), «Моңһл орн нутгт хан уга болад, ха хээснэ тускар» («О поиске хана, когда некому было править Монгольским государством»), «Миитр нойна туск тууж» («Предание о Миитр-нойоне»), «Мазн баатрин туск тууж» («Предание о Мазан-батаре») и т. д.

Исторические события и участие в них конкретных личностей в этих повествованиях трактуются сообразно тому, как они воспринимаются и оцениваются нарратором, к примеру, в одном из них («Авл хан, Цецн хан» («Аблай-хан, Цецен-хан»)), информант Б. В. Б. акцентирует внимание не на воинских доблестях, а на дипломатических способностях Галдмы, сумевшего предотвратить конфликт между двумя ханами: *Авл хан Цецн хан гидг хойр хан хошуд бээж хоюрн. Тегэд, зүткдэд, хоюрн ноолдн гихлэ, Цецн хаана Галдма гидг көвүн Авла хаана Цаган хойр тергн (тедн?) хоорнд орчкэд, шатр наадсн юмнч. Эн зүткэдэн кен дишлнэ, тер хан авч болг. <...> Тер шатр наадад, тегэд шатрар дүрцлэд (дамжад) дээдлго харсмн* ‘Аблай-хан и Цецен-хан оба были хошудскими ханами. Когда возникла конфликтная ситуация, и они оказались на грани столкновения, сын Цецен-хана Галдма и Аблай-хана [сын] Цаган расположились между телегами (встали меж них?) и стали играть в шахматы. Решили так: кто победит, тот станет ханом. <...> Сыграв в шахматы, так посредством шахмат им удалось избежать войны’¹ [Хуучн үгд 2018: 78].

Далее рассказчик, объясняя дальновидность, непогрешимость и благородство ойратского нойона Галдмы, говорит о его небесном происхождении: *Чакна Бадм өвгн тууждан келдг билэ. Цецн хаана Галдма Хурмсн Тенгрин өрүни зүүдн болж төржэ. Хурмсн Тенгр гидг бурхн өрүни өрлэ үрглэ, Галдма болж зүүдндн үзгдсмн* ‘Старик Чакна Бадм в своем предании отмечал, что Галдма [сын] Цецен-хана явился во сне Хормусн (Хурмуста) Тенгрия утром. Когда

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

божество Хурмуста Тенгрий дремал в пред-
рассветный час, ему во сне явился Галдма’
[Хуучн үгд 2018: 78].

В записанных нарративах встречаются
мотивы и типические ситуации, свойствен-
ные преданиям (ссылка на достоверность и
доказательство правдивости информации:
услышано от старика Чакна Бадм; наши
предки; хошудские ханы и т. д.), но «сохра-
няемые как память о когда-то бывшем, они
далеко не всегда отливаются в форму закон-
ченного рассказа, они часто и не восприни-
маются как художественные произведения,
а имеют чисто познавательное значение и
рассказываются к случаю, когда речь за-
ходит о каком-то событии, лице, объекте»
[Соколова 1970: 6].

В финальной части своего рассказа
Б. В. Б. тоже объясняет причину того, по ка-
кому случаю и почему он поведал нам эту
историю: *Би тиигэд таднла харгсн, хошуд
уңган магтад, хойр хаана тускар келэд авч-
кув* ‘Я вот встретился с вами, поэтому воз-
дал хвалу своим хошудским предкам и рас-
сказал о двух ханах’ [Хуучн үгд 2018: 78].

Устные нарративы об эпических ге- роях

Полевой материал свидетельствует, что
народ хранит память об эпических богаты-
рях и талантливых сказителях джангарчи,
воспевших богатырские подвиги и мечту
калмыков и их предков-ойратов о мирной,
свободной и счастливой жизни. В устных
нарративах этой тематической группы
(«Жаңһр Хоңһр хойрин тууж» («Предание
о Джангаре и Хонгоре»), «Геср богд хан»
(«Гесер богдо-хан»), «Санж-Манж баатр»
(«О богатыре Санджи-Манджи»), «Онч-
хан Жирһл» («Ончхан Джиргал»), «Шавалин
Даван тускар» («О Шавалин Дава»),
«Лижин Төөлтин тускар» («О Лиджин
Тёёлт»)) события и герои изображаемых со-
бытий интерпретируются в рамках тради-
ционной культуры, в пределах стереотипов,
сложившихся в народной памяти об исто-
рическом прошлом: эпос — воплощение
мечты, эпические богатыри — защитники
страны, джангарчи — хранители традиции.
Нарратор причисляет своего персонажа к
определенному классу (нойон, джангарчи,
богатырь и т. д.) и часто наделяет его теми
качествами, которыми этот тип героя харак-
теризуется в обществе и сохранился в об-

щественном сознании, в фольклорной тра-
диции. «Вербальный фольклор мы вправе
рассматривать как средоточие памяти — в
общезначимом ли, групповом или семей-
ном масштабе, получившее организован-
ные формы. В нем концентрируется часть
опыта, накопленного традицией, и матери-
ализуется в известных пределах сама тради-
ция» [Путилов 1994: 54].

Повествователь, используя готовые мат-
рицы фольклорной традиции, по-своему
моделирует свой нарратив. Так информант
С. А. Х. в своем повествовании «Жаңһр
Хоңһр хойрин тууж» («Предание о Джан-
гаре и Хонгоре») использует известный
сюжет эпической главы «О подчинении
Алтан-Чееджи мудрого [Джангару]» из кал-
мыцкого героического эпоса «Джангар», но
в нем нарушается последовательность изо-
бражаемого в эпосе события и его исход:

– в зачине «Предания о Джангаре и
Хонгоре» Джангар и Хонгор представлены
братьями [Хуучн үгд 2018: 89], в эпической
реальности они становятся побратимами
после оживления Джангара ханшей Шилтя
Зандн Герел, вызволившей стрелу, триж-
ды перешагнув через смертельно ранен-
ного Джангара, что приравнивается к акту
рождения и объясняет побратимство двух
богатырей [Джангар 1978: 357];

– Джангар по собственной инициативе,
а не по приказу Бёк Мёнген Шигширге от-
правляется в страну Алтан-Чееджи и уго-
няет его табун [Хуучн үгд 2018: 89]. Таким
образом из биографии Джангара выпадает
факт его пребывания в плену у Бёке Мёнген
Шигширге. Из нарратива следует, что для
С. А. Х. важна фиксация самого действия —
угона табуна, а не его причина — соперни-
чество богатырей старшего поколения Бёке
Мёнген Шигширге и Алтан-Чееджи.

– Алтан-Чееджи поднимается на верши-
ну горы и оттуда сражает Джангара стре-
лой, в эпическом нарративе сказитель ак-
центирует внимание на меткость стрелка,
выпускающего стрелу из-за трех рек [Джан-
гар 1978: 356];

– прозаично выглядит картина богатыр-
ского сражения: *чи зун бийэрнь эргэд, эц-
кдэн күр, би барун бийэрнь орад уга кенэв.
Тегэд Жаңһр цугараһинь уга кенэд, Хоңһр
талан ирэд, Хоңһрин эцкиг мөрнәннь сүүлэр
тач авад ирнэ. Нег залу үлднэ. <...> Тернь
Күңкән Алтн Чееж бээж* ‘ты обойди левое

крыло и доберись до своего отца, я найду с правой стороны и уничтожу [всех]. Таким образом, Джангар истребил всех, прибыл к своему Хонгору и, вызволив отца Хонгора [вытянув] хвостом его коня, вернулся. [На поле боя] остался один мужчина. <...> Им оказался Алтан-Чееджи» [Хуучн үгд 2018: 89];

– в финальной части повествования нарратор актуализирует незабвенность Джангара и Хонгора, прославивших свое имя, а не факт вошества Джангара на ханский трон, чтобы создать счастливую страну Бумба, как это показано в эпической главе «О подчинении Алтан-Чееджи мудрого [Джангару]».

Преобразования эпических мотивов, обнаруженные в «Предании о Джангаре и Хонгоре» («Жаңһр Хоңһр хойрин тууж»), с одной стороны, являются иллюстрацией трансформации эпических форм и разрушения поэтический стилистики эпоса, с другой — показателем того, какие события прошлого сейчас наполняются актуальным смыслом и в каких ракурсах сохраняются образы древних сказаний. Последовательность и выстроенность мотивов определяют содержание нарратива. Структурно-содержательные аспекты устных повествовательных нарративов, восходящих к сюжетам эпоса «Джангар» и «Гесер» были рассмотрены также Ц. Б. Селевой [Селеева 2017: 120–131], Е. Э. Хабуновой [Хабунова, Цеценбат 2021: 1111–1121].

Устные истории о депортации

К числу памятных событий, запечатленных в устных повествованиях, относится депортация калмыков в 1943 г. в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» [Убушаев 1991: 3]. Эта трагическая история сохранялась в кругу семьи очевидцами тех скорбных событий, но долгое время оставалась табуированной для молодого поколения калмыков. Взрослые пресекали даже попытку упоминания слов, разговоров, касающихся «опасной» темы: *Эгчм намаг: «Чи яһад иһгэд бурад-буслад, келлэ болвчн бурад буслад, юуһан келэд бәнч?» – гинэ. Ода яахв, үзсн-соңссан, медсэн келхов* ‘Сестра мне говорит: «Зачем болтаешь всякое и с кем угодно, кому и зачем

рассказываешь?»». А что делать? Надо же говорить о том, что пришлось увидеть, услышать, узнать» [ПМ 2017: Л. К. Э.].

Воспроизведение «запретной» истории стало возможным, когда депортация калмыков и других репрессированных народов была признана «варварской акцией сталинского режима» и «тяжелейшим преступлением» [Декларация 1989]. Она обрела значимость как часть истории калмыцкого народа, что послужило основой для возникновения устных рассказов, определяемых нами как «устная история».

В «устной истории» нарратив содержит свидетельства участников или очевидцев прошлых событий, включает исторические сведения или знания отдельных людей о прошлом, воспроизведенные в устной форме, не лишённые элементов субъективизма и обусловленные мировоззренческими представлениями рассказчиков, их социальным опытом, мерой участия в событии [Хабунова 2020: 145].

Этот тип устных нарративов самими рассказчиками определяется как «Сиврин туск туужс» («Истории о Сибири»). Слово *туужс* в данном контексте используется в значении ‘история’ неслучайно, так как записанные устные рассказы представляют собой хронику прошедших событий и отличаются детализацией. Несмотря на то, что устная история отражает индивидуальную историческую память, для воспоминаний наших респондентов, репрессированных в 1943 г., и рассказов их потомков — представителей нового поколения, характерно наличие константных сегментов, подтверждающих общность народной памяти о пережитой трагедии [Хабунова, Убушиева 2018: 125]. В них выделяются основные этапы этого процесса: выселение, нахождение в пути, прибытие к месту назначения, пребывание на чужбине в условиях комендантского надзора, весть о реабилитации, возвращение на родину, точно обозначается время, место, участники, характер, последствия описываемого события. Например, подробности выселения и долгого пути описываются так:

– *Хэжрэд, «һаран өргтн!» — гиһэд <...> одак пистолетан авч одад, <...> одак указиг умив, дэрг-дэрг, «изменник Родины» гиһэд келх дурн күрхш, ольчад, хэһэд, бу хээжэнэвидн гиһэд, ямаран зер-зев? <...> Сөөни өрэллэ, хойр-һурвн часла авад һарв*

‘Закричали, чтобы подняли руки. <...> Тот подошел с пистолетом, <...> зачитал тот указ, *дярке-дярке*, не хочется произносить эти слова «изменник Родины»; перевернули все, якобы искали ружье, какое оружие может быть? <...> В полночь, в два-три часа стали вывозить нас’ [ПМ 2013: Э. Б. Б.];

– *Декабрин хөрн доладгчла мадниг негдгч школд хурав, һурвдгч класст би йовлав. <...> Тегэд тенд йовжс йовхла, багшин көвүн үр көвүндэн келнэ: «Хэлэ, тер машид үзжэнч? <...> тер американск машин. Эн машидт хальмгудыг йовулх гинэ. <...> Эгдэн ирчкэд, би келжэнэв: «Багшин көвүн келв, эн американск машид мадниг йовулх гив. Экм келнэ: «Куукм мини, уга, маниг йовулшго, эцкчн дээнд бээнэ»* ‘Нас собрали в первой школе двадцать седьмого декабря, я училась в третьем классе. <...> Пока я шла там, учительский сын сказал своему другу: Смотри, видишь те машины? <...> Это американские машины. В этих машинах повезут калмыков. <...> Прибыв к своей матери, я говорю: «Сын учителя сказал, что на этих машинах отправят нас». Моя мать ответила: «Дитя мое, нет, нас не выселят, твой отец на фронте»’ [ПМ 2017: Н. Е. Ч.];

– *Мал мээлэд, мөөрэд бээнэ. Нохас уульд, мис мээлэд бээнэ. Күн уга. <...> Зууран дегд киштин. Өлн болад, амтн дегд икэр үкэд бээв. Вагона булгд нүк кеһэд, амтн мөр үздг болв. <...> Ку иддг азиат аашна гижэ зэңг харч. <...> Эмтн һууль һууһад, иддг юмн уга, икэр зовв* ‘Скот мычит и блеет. Собаки воют, кошки мяукают. Людей нет. <...> В пути было очень холодно. Очень многие люди стали умирать от голода. В углу вагона вырубил яму, туда стали справлять нужду. <...> Пустили слух, что идут азиаты-людоеды. <...> Люди попрошайничали, есть было нечего, очень страдали’ [ПМ 2015: Г. Б. Ч.];

– *Сиврт орхларн би арвн һурвта билэв. <...> Арвн долан сууткд хойр көлэрн зогсад күрлэв. Вагон дүүрң амтн, суудг орм уга, хуһар өрк-бүлэрн [вагон] дүүрң. Би һанцарн күүнэ амтслэ* ‘Мне было тринадцать лет, когда выслали в Сибирь. <...> Семнадцать суток, стоя на ногах, добиралась. Вагон полон людьми, сесть негде, сидят все семьями, вагон полон. Я одна с чужими людьми’ [ПМ 2017: Л. К. Э.];

– *Цугтаһинь хээкрүлэд, уулюлдулад, бээглдүлэд орулжс авад, тус-туснь үүдинь хаачкв. Көрэд үкн гивүвидн. Таи харһу.*

Идх хот уга <...> Басл хол һазр бээжл, тер Сибирь гидгнь ‘Всех с криком, с плачем и воем загнали и закрыли по отдельности. Чуть не умерли от холода. Кромешная тьма. Еды нет. <...> Далеким местом оказалась та Сибирь’ [ПМ 2016: А. Д. Л.].

Безусловно, «конкретное содержание исторической памяти <...> вариативно: изменяются оценочные характеристики событий и персонажей, отношение к ним, степень интереса и его устойчивости, восстребованность, объем сохранившейся информации и пр.» [Неклюдов 2004: 77–86].

Рассмотренные фрагменты «устных историй» показывают, как индивидуальная память сохраняет и вербально по-разному транслирует пережитые в прошлом физические и эмоциональные страдания отдельных людей и коллективное мнение калмыков о трагических событиях тех лет (1943–1957).

В композиционной модели «устные истории» о депортации калмыков в 1943 г. также присутствуют аналогии: они часто начинаются с сообщений биографического характера, затем следует описание других событий в той последовательности, в какой они совершались в прошлом.

Нарративы религиозного содержания

В нарративах религиозного содержания сообщается о событиях, связанных с уничтожением буддийских монастырей, и репрессиях духовных лиц, рассказывает о силе молитвы и чудесных явлениях, о культовых предметах и объектах поклонений («Бөөһин тускар», «Зодв Дава», «Джав ламин туск домг», «Бааза Багшин оршасн һазрин тускар», «Ор һанцхарн бээлһнэ тускар» (о медитации), «Ик Бухса хурлын тускар», «Бурхдын туск тууж», «Хойр ирл», «Бүслүртэн хальмг гелң» и т. д. Полевые материалы этой тематической группы документируются особой «печатью» — памятью поколения, испытавшего на себе прессинг антирелигиозной политики советского периода. В них представлены не только исторические факты, но и культурные коды, нравственно-этические ориентиры, духовные ценности, позволившие калмыкам сохранить веру, обычаи, традиции и мудрые наставления предков. Приводим фрагменты рассказа, услышанного от К. Х. Б., 1918 г. р., дербетки, рода Ики Бухус, проживавшей в п. Келькута Юстинского райо-

на с 1957 г.: 1928–1929 ж. кевтэ билэ, сэн медхив, хурла гериг цуцад, авч одад Красносельскд ушколын класс кеһэд, хот кедг замарнь устолов кеһэд, ик цаһан өргэ бээсн — теругэрнь клуб кеһэд... Бидн бичкнд көгшдүд: «Тер өргэд зальврад ортн», — гидмн. Медэтэ улс маднд келэд, медүлэд бээв. Эвр ик гидг хээсн, давишурта билэ, маань веднэхн, дарк тус болг хээрхн! Терүнд манд хот кедмн нег гергн. Тер хурлын багшинрин модн герт бидн сурһаль сурад, маань веднэхн, дарк! Ода альд йовхул тер хамг. <...> Ик Бухса хурлын орм ода эжго һазрт Шарлжн тал бээнэ. Терүнд тоочкд нег күн эврэ малан бэржэнэ. Тер хурлын ормд нег ламын цогц бээнэ. Номта һазр. Номта һазрт одад мөргхлэ, гем уурч одна 'Не помню точно, кажется, в 1928–1929 гг. разрушили все, хурул разобрали и увезли в Красносельское. Из этого материала потом построили школу, из хурульной кухни — столовую, а из белого хурульного храма соорудили клуб. Старик каждый раз напоминали нам, детям, из какого материала изготовлены новые строения, и наставляли нас, чтобы мы, перешагивая порог этих помещений (школа, столовая и клуб), мысленно произносили молитвы. Был огромный котел [хурульный], по ступенькам [поднимались к нему], одна женщина там готовила пищу нам. Интересно, куда все это делось? (где это все сейчас находится?). <...> На месте Икибухусовского хурула в безлюдном месте возле поселка Шарлджин сейчас располагается чабанская точка [стоянка], и там пасется личный скот одного человека. На месте того хурула покоится тело одного ламы. Намолненное место. Если добратся до этого святого места и помолиться там, то исчезают болезни' [Хуучн үгд 2018: 133–134].

Для полного и объективного отражения истории возрождения буддизма, распространения буддийских знаний и традиций в Республике Калмыкия в постперестроечный период представляется важным учесть воспоминания буддистов старшего поколения. Их информация ценна тем, что в основе их памяти лежат ассоциации, явления, предметы, факты, события, связанные с реальной действительностью и убедительные в своей первозданности. У поколения прошлого столетия есть возможность сравнить, сопоставить настоящее с прошлым и предопределить будущее. Воспоминания

о прошлых событиях воспроизводятся через призму накопленного опыта и реалий настоящего. Информант К. Х. Б. в ходе беседы повторяла пословицу *өмнэн кесн буйн хөөнэн герч* 'заслуги, накопленные в прошлом, помогут в будущем', выражавшую ее жизненное кредо, подмечала, что ее добрые поступки и следование буддийским заповедям позволили ей дожить до 96 лет, увидеть восстановление разрушенных буддийских храмов, стать участником многих благих дел и поклониться Его Святейшеству Далай-ламе, буддийским монахам, с которыми она связывает процесс возрождения буддизма в Калмыкии: *Кезэнэс нааран буй кеһэд йовсмн* 'С давних времен и до сих пор [они] накапливал заслуги' [ПМ 2015: К. Х. Б.].

Устная традиция передачи информации о прошлом имеет свои мифологические оттенки, но она воспроизводит сведения о прошлом на основе воображения, порожденно-го чувствами и ощущениями, вызванными реалиями настоящего времени, объяснениями и оценками конкретных людей: [Цаһан Амна Һавж] *туугдад, хөөннь 1964 жсйлд сүүдрлж ирхлэнь, элгн саднь эәһэд орулгон бээв. Тигэд нег өвгн эмгн хойр: бидн танд һар-көл болнавидн, кир-нуһдитн уһажэ өгэд бээнэвидн, — гижэ. Тер өвгн урднь хурлд йовсн, хөөннь һар болад бээжэ. Хурл хаагдсн хөөн баахн номтань һар болад, гер авад, бий-эн медүллго бээжэ. Ик номтань гер авч һар божэ чадиго болад, арһ уга, туугдад үкч йовналм. Мана Һавжэ багш гер авсмн биш, кезэн кезэнэс нааран тер кевтэн йова. Номд суусн лам көндрдмн биш. өөрнь һар көл болжэах бурхч ээжэ бээһэд, зул өргдг, зулын тос, һол кедг, ю-күүһинь авч өгдг, кир нуһдын уһадг билэ. Така шовуна мах, малын мах иддго билэ, эвр цевр бээдг билэ. Самолетд суухлань такан мах өгч, идчкжэ, меджэ уга аав. Терүнэ хөөн һурвн хонгин дунд бийнь тас уга болад йовжэ одв. Му болхан меджэ, би өөрнь билэв. Асхн ора болжэ йовла. <...> Аавин өргэд дег дүүрч бурхн билэ. Эмддэн серүни бээсн цагтан музейд залчксн билэ, бичүлчксн билэ. Бурхн болсн хөөннь бурхдын авад йовжэ одв, шажна толһач ирэд. Аавин өргэ хоосн үлдв тигэд. Би хаша-хаацинь ясад, хэләһэд бээдг билэв. Мел зүүднд орад бээдмн тер өргэ. Бээһэ бээтл шажн тогтсмн* 'После благополучного возвращения на родину в 1964 году, его не приняли родственники,

опасаясь гонений. Тогда двое — старик и старуха — предложили ему свою помощь в ведении домашнего хозяйства. Тот старик в свое время был хурульным человеком, впоследствии стал мирянином. Когда хурулы закрылись, духовные лица низшей иерархии стали мирскими людьми, обзавелись семьями и стали неприметными. Ламы с высоким духовным саном не могли стать простолюдинами, поэтому не женились, не стали мирянами. Многие вынуждены были отправиться в ссылку и умереть. Наш Гавжа-багши не женился, с тех давних пор оставался таким, каким был. Так как молящиеся ламы не должны шевелиться, возле него находилась старуха-прислужница, которая зажигала лампадки, подливала масло, готовила фитили для лампадок, стирала. Он не ел мясо животных и птиц, не нарушал обеты. Однажды в самолете по незнанию он съел курятину. После этого ему нездоровилось, и в течение трех суток он скончался. Он предвидел это, я находилась рядом в тот вечер. <...> В доме старца было много культовых предметов. При жизни, вполне осмысленно, он завещал их музею в письменной форме. После его кончины приехал чиновник по делам религии и увез все. Дом старца опустел таким образом. Я присматривала за его двором. Тот храм часто снился мне. Прошло время, и религия возродилась' [Хуучн үгд 2018: 115].

Информация о прошлом помогает устранить «белые пятна» истории, восста-

новить недостающие фрагменты в цепи недосказанностей, выпячивает новые аспекты изучения истории народа. Важно, чтобы знания, опыт и моральные ценности предыдущего поколения укоренились в новой среде, при новых обстоятельствах.

Практической и научной ценностью отличаются устные нарративы калмыков о народной медицине, о ритуально-лечебной практике калмыков, о лечебных свойствах средств животного, растительного, минерального происхождения. Часть из них уже введена в научный оборот [Хуучн үгд 2018: 178–186], вопросы, связанные с различными аспектами народной медицины освещались в статье «Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.)» [Хабунова 2022: 405–416].

Заключение

Нарративы, записанные в Калмыкии в 2012–2017 гг. во время экспедиций, содержат в себе знания предыдущих поколений, ценные сведения о прошедших событиях, они служат вербализованной формой консеквенции жизненного опыта человека во всем его многообразии. Рассмотренные устные повествования представляют собой своеобразную форму фиксации событий, сохранения и передачи информации о жизни конкретных лиц и народа во всем ее многообразии и событийности.

Полевой материал (2013–2017 гг.)

- ПМ 2013: Э. Б. Б., 1927 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой, М. А. Лиджиевым и Б. Э. Убушиевой в 2013 г. в п. Цаган-Нур Октябрьского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2015: Г. Б. Ч., 1927 г. р. (записано Д. Б. Гедеевой в 2015 г. в п. Цаган-Аман Юстинского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2015: К. Х. Б., 1918 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой в 2015 г. в п. Цаган

Аман Юстинского района, Республика Калмыкия).

- ПМ 2016: А. Д. Л., 1926 г. р. (записано Б. Э. Убушиевой в 2016 г. в п. Комсомольский Черноземельского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2017: Н. Е. Ч., 1923 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой и Б. Э. Убушиевой в 2017 г. в Городовиковске, Республика Калмыкия).
ПМ 2017: Л. К. Э., 1938 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой и Б. М. Коваевой в 2017 г. в г. Элисте).

Author's Field Data

Informant 1: B. B. E., b. 1927. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva, M. Lidzhiev and B. Ubushieva in Tsagan-Nur (Oktyabrsky District, Kalmykia, Russia), 2013. (In Kalm. and Russ.)

Informant 2: B. Ch. G., b. 1927. Rec. by D. Gedeeva in Tsagan-Aman (Yustinsky District, Kalmykia, Russia), 2015. (In Kalm. and Russ.)

Informant 3: B. K. Kh., b. 1918. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva in Tsagan-Aman (Yustinsky

- District, Kalmykia, Russia), 2015. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 4: D. L. A., b. 1926. Rec. by B. Ubushieva in Komsomolsky (Chernozemelsky District, Kalmykia, Russia), 2016. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 5: E. Ch. N., b. 1923. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva and B. Ubushieva in Gorodovikovsk (Gorodovikovsk District, Kalmykia, Russia), 2017. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 6: K. E. L., b. 1938. Rec. by E. Khabunova and B. Kovaeva in Elista (Kalmykia, Russia), 2017. (In Kalm. and Russ.)
- Литература**
- Декларация 1989 — Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав. Москва, Кремль, 14 ноября 1989 [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165903-deklaratsiya-verhovnogo-soveta-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-o-priznanii-nezakonnymi-i-prestupnymi-repressivnyh-aktov-protiv-narodov-podvergshih-sya-nasilstvennomu-pereseleniyu-i-obespechenii-ih-prav-moskva-kreml-14-noyabrya-1989-g> (дата обращения: 20.09.2022).
- Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / Тексты 25 песен. На калм. яз. Т. I / сост. А. Ш. Кичиков. М.: Наука, 1978. 442 с.
- Лыткин 2003 — *Лыткин Г. С.* Материалы для истории ойратов. I. Хошутский нойон Галдама // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 390–400.
- Неклюдов 2004 — *Неклюдов С. Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 26–36.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. АБ-60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина / ред.: Н. Б. Вахтин и Г. А. Левинтон при участии В. Б. Колосовой и А. М. Пиир (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука. 1976. 242 с.
- Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука. 1994. 457 с.
- Селеева 2017 — *Селеева Ц. Б.* Богатырские сказания о Джангаре и Гесере в калмыцкой сказочно-эпической традиции: к проблеме переходности фольклорного текста // Монголоведение. 2017. Т. 9. № 2. С. 120–131. DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-120-131
- Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М.: Наука. 1970. 287 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки. Выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 93 с.
- Хабунова, Цеценбат 2021 — *Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц.* Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 1111–1121. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-112
- Хабунова, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Убушиева Б. Э.* Константы устных историй калмыков о депортации 1943 года как маркеры народной памяти (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38(2). С. 123–131.
- Хабунова 2020 — Устные истории калмыков как семейная ценность: сохранение и передача [электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 144–149. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-12.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).
- Хабунова 2022 — *Хабунова Е. Э.* Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–416. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-416
- Хуучн үгд 2018 — *Хуучн үгд худл уга.* Кеерин хураңху материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., автор вст. ст. на калм. яз. Е. Э. Хабуннова. Элст: НПП «Джангар», 2018. 399 с.
- Шкловский 1929 — *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
- Labov 1997 — *Labov W.* Some Further Steps in Narrative Analysis // The Journal of Narrative and Life History, 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 395–415.
- Labov, Waletzky 1997 — *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Journal of Narrative and Life History. Vol. 7. Is. 1–4. Jan 1997. Pp. 3–38.

References

- Declaration of the Supreme Soviet of the USSR of 14 November 1989 (Kremlin, Moscow) Ruling Illegal and Abusive the Repressions against Peoples That Experienced Forced Resettlement, and [Proclaiming] Guarantees for Their Rights. On: Online Library of Historical Documents ([Russian] National History Foundation). Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165903-deklaratsiya-verhovnogo-soveta-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-o-priznanii-nezakonnymi-i-prestupnymi-repressivnyh-aktov-protiv-narodov-podvergshisya-nasilstvennomu-pereseleniyu-i-obespechenii-ih-prav-moskva-kreml-14-noyabrya-1989-g> (accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Texts of 25 songs. Vol. I. A. Kichikov (comp.). Moscow: Nauka, 1978. 442 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. (comp.) The Truth of Ancient Word: Collected Expeditionary Materials. Elista: Dzhangar, 2018. 399 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 405–416. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-416
- Khabunova E. E. Oral stories of Kalmyks as family value: Conservation and transmission. *Historical Courier*. 2020. No. 5(13). Pp. 144–149. Available at: <http://istkurier.ru/data/2020/IST-KURIER-2020-5-12.pdf> (accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. The Legend of Geser Bogdo recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk plot elements reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1111–1121. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-112
- Khabunova E. E., Ubushieva B. E. Constant oral histories of the Kalmyk Deportation of 1943 as markers of national memory (On materials of expeditions). *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 38(2). Pp. 123–131. (In Russ.)
- Labov W. Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 395–415. (In Eng.)
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 3–38. (In Eng.) DOI: 10.1075/jnlh.7.02nar
- Lytkin G. S. Materials for a history of the Oirats. [Part] I: Khoshut Noyon Galdama. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 390–400. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. ‘Scenario schemes’ of life and narrative. In: Russian School of Anthropology. Transactions. Vol. 2. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2004. Pp. 26–36. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Notes on ‘historical memory’. In: Vakhtin N. B., Levinton G. A. et al. (eds.) AB-60: Celebrating the 60th Birthday of [Prof.] Albert K. Baiburin. Collected papers. *Studia Ethnologica* 4. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2007. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Putilov B. N. Folklore and Ethnic Culture. St. Petersburg: Nauka. 1994. 457 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Methodology of Comparative/Historical Folklore Research. Leningrad: Nauka, 1976. 242 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Heroic legends about Jangar and Gesar in the Kalmyk fairy-tale and epic traditions: The problem of transition of folklore texts revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 120–131. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-120-131
- Shklovsky V. B. Theory of Prose Revisited. Moscow: Federatsiya, 1929. 265 p. (In Russ.)
- Sokolova V. K. Russian Historical Tales. Moscow: Nauka, 1970. 287 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. The Kalmyks: Deportation and Return. Elista: Sanan, 1991. 93 p. (In Russ.)

